

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ЭЛЕГИИ ФРИДРИХА ГЁЛЬДЕРЛИНА «СКИТАЛЕЦ»

Д. В. Баранская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

diana.baranskaya@mail.ru;

науч. рук. – Г. В. Синуло, канд. филол. наук, доц.

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей художественного времени и пространства в поэзии немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина на примере одной из его поздних элегий. Объектом исследования является вторая версия элегии Фридриха Гёльдерлина «Der Wanderer» («Скиталец»). В исследовании проводится подробный последовательный анализ представленного в элегии хронотопа, а также приводятся наиболее яркие примеры из текста. В результате исследования определяется, в какой степени пространственно-временные отношения в рассматриваемой элегии соответствуют традиционному хронотопу элегического жанра.

Ключевые слова: Фридрих Гёльдерлин; немецкая поэзия; элегия; хронотоп; художественное время; художественное пространство.

Для элегии как жанра существенное значение имеет представленное в ней соотношение времени и пространства. Элегическое пространство обычно представляет собой малое, уединенное пространство одинокого элегического героя, которое отдалено от мира человеческой жизни и противопоставлено всему остальному миру. Что же касается художественного времени элегии, то это, как правило, время ушедшее, окрашенное настроением невозвратимой утраты. Оно стремится к сжатости, распадается на отдельные отрезки времени, мгновения. Кроме того, элегическому времени всегда сопутствует мотив вечной природы, образы которой контрастируют с образами, связанными с быстротечной человеческой жизнью.

В нашем исследовании мы обратимся к творчеству одного из самых гениальных немецких поэтов – Фридриха Гёльдерлина (Friedrich Hölderlin, 1770–1843). Им было создано немало произведений в жанре элегии, которая имеет у него неповторимые, свойственные лишь его творчеству черты. То, насколько значимую роль играет в его поэзии хронотоп произведения, мы рассмотрим на примере его элегии «Скиталец» («Der Wanderer»), а точнее – ее второй редакции, датируемой летом 1800 года.

В этой элегии уже само название говорит о том, что ведущее место в ней занимает мотив странствия. Здесь оно происходит в реальном географическом пространстве. В элегии изображены ландшафты различных мест, созданные воображением поэта, в том числе и те, которые разворачивались перед его мысленным взором. Начинается элегия с воспоминаний лирического героя о том, как он одиноко стоял посреди сухой аф-

риканской пустыни. Тут необходимо отметить особую временную организацию текста. В произведениях Гёльдерлина, как пишет Н. Т. Беляева, «прошлое продолжает жить в настоящем, и автор все время переходит из одного плана в другой, соединяя их общими высказываниями» [1, с. 589]. Это можно отчетливо увидеть в следующем отрывке, где в первых двух строках речь идет о прошлом, в следующих двух – о том, что происходило на этом месте еще в доисторические времена, а дальше повествование уже переходит в настоящее время:

Einsam stand ich und sah in die afrikanischen durren
Ebnen hinaus; vom Olymp regnete Feuer herab,
Reißendes! milder kaum, wie damals, da das Gebirg hier
Spaltend mit Strahlen der Gott Höhen und Tiefen gebaut.
Aber auf denen springt kein frisch aufgrünender Wald nicht
In die tönende Luft üppig und herrlich empor. [4, S. 80]

(«Одиноко стоял я и вглядывался в африканские сухие / Равнины; с Олимпа ниспадал огонь. / Разрывающий! Слабее едва, чем тогда, когда горы здесь, / Рассекая лучами, бог высот и глубин воздвиг. / Но на них не устремляется никакой свежезеленеющий лес / В звучащий воздух пышно и величественно». – *Здесь и далее подстрочный перевод наш – Д. Б.*)

Но поиски «другого» заставили лирического героя приплыть на кораблях к северному полюсу, где вся жизнь оказалась скована льдом. По словам В. Дильтея, «Гёльдерлин всегда жил в контексте всего своего существования. На его восприятие настоящего влияло и то, что он пережил, и то, что могло произойти. Все это жило в нем одновременно» [3, S. 441]. Поэтому здесь лирический герой обращается к земле со словами, выражающими надежду на то, что в будущем ее согреет небо и в ней забьется сила весны.

Если описание этих мест было более фрагментарным и обобщенным, то родные ландшафты изображаются поэтом очень обширно и детально. Он создает наглядную картину долины Рейна с ее деревьями, садами, растущим виноградом, а также с кораблями, островами, крепостью и городом. Как отмечает Г. В. Синило, художественное пространство поздней лирики Гёльдерлина «не только предельно разрежено, так что взор поэта озирает целые материки и континенты, но и предельно пластично, внимательно к простым, малым, незаметным вещам» [2, с. 240]. Это особенно очевидно в «Скитальце». Взгляд лирического героя не только охватывает все окружающее его пространство, но и замечает малейшие движения: например, то, как из леса выходит олень, из облаков проглядывает дневной свет, в воздухе пролетает птица. Некоторые природные образы словно одушевляются, как, например, в описании горы: «Aber lächelnd und ernst ruht droben der Alte, der Taunus, / Und mit Eichen bekränzt

neiget der Freie das Haupt» («Но улыбаясь и серьезно покоится там наверху старик, Таунус, / И дубами увенчан, склоняет свободный голову») [4, S. 81]. Когда странник подходит к расположенной в долине деревне, ко всему добавляется также и звуковой ландшафт – тишина, шум мельницы, звон вечерних колоколов, голос крестьянина, материнское пение:

Still ists hier. Fern rauscht die immer geschäftige Mühle,
Aber das Neigen des Tags künden die Glocken mir an.
Lieblich tönt die gehämmerte Sens und die Stimme des Landmanns,
Der heimkehrend dem Stier gerne die Schritte gebeut,
Lieblich der Mutter Gesang, die im Grase sitzt mit dem Söhnlein... [4, S. 81]

(«Тихо здесь. Вдали шумит всегда хлопотливая мельница, / Но завершение дня сообщают мне колокола. / Ласково звучит кованая коса и голос крестьянина, / Который, возвращаясь домой, быку с радостью направляет шаги, / Ласково пение матери, которая в траве сидит с маленьким сыном...»)

Возвращаясь на родную землю, лирический герой возвращается и в свою юность, в свое детство. Все, что он видит, пробуждает в нем воспоминания. Особенно ярко это отражено в том месте элегии, где он приходит к своему родному дому и саду. Несмотря на прошедшие годы, его по-прежнему встречает верное небо родины, все так же цветут розы, зеленеют деревья, ветви которых сами протягивают свои плоды:

Dort empfängt mich das Haus und des Gartens heimliches Dunkel,
Wo mit den Pflanzen mich einst liebend der Vater erzog...
<...>
Noch gedeihn die Pfirsiche mir, mich wundern die Blüten,
Fast, wie die Bäume, steht herrlich mit Rosen der Strauch.
Schwer ist worden indes von Früchten dunkel mein Kirschbaum,
Und der pflückenden Hand reichen die Zweige sich selbst. [4, S. 82]

(«Там принимает меня дом и таинственная темнота сада, / Где с растениями меня прежде, любя, отец воспитывал... / <...> Еще зреют для меня персики, меня удивляют цветы, / Почти, как деревья, стоит чудесно с розами куст. / Тяжелым стало тем временем темное от плодов мое вишневое дерево, / И к срывающей руке тянутся ветви сами».)

Отсюда берет начало тема вечного и преходящего. Увидев тропу, ведущую в лес и к ручью, лирический герой вспоминает, как в юности он лежал у ручья и легенды о героях побудили его отправиться в странствия. Но все его гордые надежды оказались в итоге разбиты, а отец и мать все это время тщетно искали его. Нерешительно, считая шаги, странник подходит к порогу родного дома и вдруг оказывается вынужденным признаться себе, что произошло нечто неисправимое:

Aber wo sind sie? du schweigst? du zögerst? Hüter des Hauses!
Hab ich gezögert doch auch!

<...>

Aber ich ahn es schon, in heilige Fremde dahin sind
Nun auch sie mir, und nie kehret ihr Lieben zurück.

Vater und Mutter? und wenn noch Freunde leben, sie haben
Andres gewonnen, sie sind nimmer die Meinigen mehr.

<...>

<...So bindet und scheidet
Manches die Zeit. Ich dünk ihnen gestorben, sie mir.
Und so bin ich allein. [4, S. 82]

(«Но где они? Ты молчишь? Ты медлишь? / Хранители дома! / Я медлил ведь тоже! / <...> Но я предчувствую это уже, в святую чужбину туда ушли / Теперь и они для меня, и никогда не вернетесь вы, любимые, обратно. // Отец и мать? И если еще друзья живут, они / Другого добились, они никогда больше не будут моими. / <...> Так связывает и разделяет / Многое время. Я считал их умершими, они меня, / И так я один».)

Осознание того, что близкие уже никогда к нему не вернуться, становится самым сильным переживанием в элегии. Необратимость этого события показывает масштабы человеческой жизни: для человека на его жизненном пути невозможно окончательное возвращение домой. Что остается для странника, так это связь с вечными богами природы. Только божественная природа существует в вечной гармонии и дает ему возможность взглянуть за пределы его собственного существования, в память о родных, друзьях и забыть о своих страданиях.

Таким образом, в рассмотренной нами элегии представлены такие характерные для элегического жанра черты, как хронотоп странничества, обращение к воспоминаниям, проблема необратимости движения времени для отдельного человека, краткой жизни которого противостоит вечная жизнь природы. Но в то же время – и это отличительная особенность манеры Гёльдерлина – здесь проявляется стремление не к замкнутости хронотопа, а к его предельной разомкнутости, к обширному восприятию мира и времени истории.

Библиографические ссылки:

1. *Беляева Н. Т.* Сотворение «Гипериона» // Гиперион. Стихи. Письма / Ф. Гёльдерлин; изд. подгот. Н. Т. Беляева; отв. ред. Н. С. Павлова. М., 1983. С. 509–597.
2. *Синило Г. В.* Лирические книги Библии как архетексты немецкоязычной поэзии XVIII–XX веков. Минск: РИВШ, 2019.
3. *Dilthey W.* Das Erlebnis und die Dichtung: Lessing, Goethe, Novalis, Hölderlin. Leipzig; Berlin: Teubner, 1922.
4. *Hölderlin F.* Sämtliche Werke: in 8 Bd. Stuttgart: Kohlhammer, 1943–1985. Bd. 2: Gedichte nach 1800. Hälfte 1. Text / hrsg. von F. Beissner. 1951.